

ФИЛОЛОГИЯ

(специальность: 10.02.19)

УДК 81

О.М. Акай

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

г. Ростов-на-Дону, Россия

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

oksanaakay@mail.ru

Э.Г. Куликова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

г. Ростов-на-Дону, Россия

Российский университет дружбы народов

г. Москва, Россия

kulikova_ella21@mail.ru

И.В. Беляева

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

г. Ростов-на-Дону, Россия

irinabelyaeva23234@mail.ru

ЭЛИМИНИРОВАНИЕ ОБЩЕКТЕГОРИАЛЬНЫХ И ЧАСТНОКТЕГОРИАЛЬНЫХ ЛАКУН КАК СИСТЕМНЫЙ ПРОЦЕСС¹

[Oksana M. Akay, Ella G. Kulikova, Irina V. Belyaeva

**Elimination of general categorial and particular categorial lacunae
as a system process]**

Grammatical consistency implies not only filled cells, but also regular gaps, lacunae, which, however, in language functioning can be filled, that is, can be eliminated. The article is devoted to the analysis of general categorial (at the level of parts of speech) and particular categorial (at the level of some grammatical categories) eliminated lacunae – units filling in system gaps. The problem is to

---

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00016

define cognitive and merely linguistic essence of these units, show their semantic and pragmatic capabilities in various types of discourse. In the article, this problem is solved on the example of the forming part of speech – state category words, as well as on the material of the grammatical-derivational category of gender and the grammatical category of Temporality Tense of participles. The authors prove that the lacunae elimination marks the creative impulse of the language development, the increase of its living space, since it expands the possibilities for the most optimal representation of the semantic and pragmatic content of grammatical forms.

Key words: language consistency, grammar, part of speech, grammatical category, state category words, intra-language grammatical lacunae, elimination of lacunae.

Изучение процесса элиминирования грамматических лакун предполагает учет деятельностного характера языка, его способности (в том числе и на уровне грамматики) быть аккумулятором и транслятором культурного содержания. Для исследования языкового материала использовался системно-функциональный метод с элементами трансформации и субституции, а также когнитивный и лингвопрагматический анализ. После трудов В. фон Гумбольдта, затем – неогумбольдтианцев и представителей американского структурализма, стало очевидно, что каждый язык описывает «свою вселенную», и осуществляется это не только за счет лексических единиц, но также (в не меньшей степени) посредством грамматических форм. Современная когнитивная лингвистика рассматривает грамматическую систему как отражение особенностей национально специфического мировидения [12] и с такой позиции для грамматического описания важны не только заполненные ячейки, но и различные манифестации лакунарности, то есть закономерное отсутствие тех или иных форм и категорий. Конечно, время прямых экстраполяций и прямого соотнесения грамматики и мировидения (типа «индейцы не строили оросительных каналов, потому что в их языках отсутствует категория времени и, в частности, нет специальных маркеров грамматического будущего времени, которые побуждали бы их думать о будущем, в том числе – о грядущей засухе») ушло в прошлое. Однако современная антропоцентрическая лингвистика настойчиво ищет и находит корреляции особенностей этнопсихологии и языковых форм: недаром отмечается новый всплеск интереса к идеям Сепира-Уорфа, на базе которого сформировалось направление неорелятивизма, или пострелятивизма [3].

Лакуны так же информативны, как и заполненные ячейки системы. Лакунам посвящена обширная, теперь уже трудно обозримая литература, тем не менее все еще не выработано единого и непротиворечивого понимания этого феномена. Ряд авторов [13; 14] отрицает возможность существования межъ-

языковых лакун, ибо понимание лакунарности как пробела, отсутствия заполнения определенной ячейки опирается на представление о завершенной системе, элементы которой взаимосвязаны. По мнению указанных авторов, отсутствие чего-либо на лексическом или грамматическом уровне (допустим, отсутствие в русском языке единицы, обозначающей то, что в японском передается словом «харакири», или отсутствие в русской грамматической категории эвиденциальности) еще не есть лакуна. В противном случае окажется, что в любом языке лакун больше, чем наличествующих единиц, что, конечно, абсурдно. Как пишет В.М. Савицкий, признание межъязыковых лакун ведет к следующему допущению: каждая лексема или словоформа «любого языка может быть определена как лакуна на том лишь основании, что она отсутствует (по форме или содержанию) в другом языке» [14, с. 2-3]. Заметим, однако, что, несмотря на логичность и обоснованность таких доводов, понятие межъязыковых лакун широко используется в межкультурной коммуникации, а противоречия снимаются тем, что оговаривается конкретная пара языков, системы которых рассматриваются как коррелирующие (что актуально, например, в практике перевода).

Наличие интраязыковых лакун, насколько нам известно, никем из грамматистов не оспаривалось. Любой язык дает материал такого типа: при наличии грамматической категории (а значит – при концептуализации соответствующего понятия) отсутствуют те или иные звенья цепочки, не заполнены те или иные ячейки, наличествует та или иная грамматическая асимметрия. То есть лакуны – это именно недостающие элементы, причем речь идет не только об отдельных словоформах в парадигме (типа 1 лица единственного числа будущего времени от глагола «победить» и т.д.), но о целых пластах языковых единиц (таковы, например, феминитивы в рамках грамматико-словообразовательной категории рода или неuzuальные слова категории состояния). Понятие элиминирования неотделимо от самого определения лакунарности [1, с. 13], иначе говоря, лакуна – это то, что может быть тем или иным способом восполнено, элиминировано. Под элиминированной лакуной в грамматике понимается реальная словоформа неuzuального характера. Хотя такое применение термина «лакуна» может вызвать справедливые возражения (словом, знаменующим именно отсутствие чего-то, именуется, при наличии атрибута «элиминированный», и сама восполняющая форма), оно за-

крепилось в грамматике, и потому оно используется и в настоящей статье. Фактически элиминирование лакун есть восстановление системы в полном объеме, или последовательное применение идеи системности. Не случайно такое внимание привлекает детский язык: детские словечки – это по сути элиминированные лакуны. Недаром детские словоупотребления Г.В. Быкова считала источником сведений о лакунах [4].

Языковые лакуны справедливо анализировались как отражение специфики национальной концептосферы. Ср. названия работ Ю.А. Сорокина: «Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности» [15], «Лакуны и процесс моделирования образа этнической культуры и психологии» [16]. Рассмотрим подробнее возможности общекатегориальных и частнокатегориальных элиминированных лакун передавать этноспецифическое семантическое и прагматическое содержание.

1. Общекатегориальные лакуны (слова категории состояния)

Попытки рассмотрения слов категории состояния в рамках частеречной теории в русском языке относятся к 20-м годам XX века. Л.В. Щерба, которому принадлежит сам термин и сама идея частеречной специфики этих слов, всегда писал о них с большой осторожностью, всегда оговаривал, что эта часть речи не представляется ему однозначно очерченной [17, с. 63-85], она «размытая», не четкая. И вообще Л.В. Щерба не категорично утверждал, что это полноправная часть речи, а употреблял слова «может быть, похоже, наверное». В.В. Виноградов также подчеркивал, что «это не окончательно сложившаяся часть речи, что она только формируется на почве сложного и противоречивого переплетения свойств имени и глагола» [6, с. 335]. Однако и отказаться от идеи «отдельности» слов этой группы невозможно: к какой части речи в таком случае отнести слова *можно, нельзя, нужно, жаль?* Наиболее многочисленная словообразовательная группа в рамках слов категории состояния – это слова на *-о*, у которых соединяются три необходимых признака особой части речи: обобщенная категориальная семантика (психическое или физическое состояние человека или состояние природы), морфологическая неизменяемость (хотя им свойственна способность образовывать аналитические формы наклонения и времени), а также типичная для данного класса слов функция сказуемого в безличных конструкциях. Хотя образовать такую единицу достаточно просто от любо-

го качественного прилагательного, однако, как отмечал еще В.В. Виноградов, «далеко не все образования такого типа могут выступать в качестве предикатов безличных предложений. Не употребляются выражения типа *мне бодро, упрямо, покорно, смело, робко, умело, торопливо, жестоко, жадно, враждебно, доверчиво*» и т.д. [6, с. 335]. В.В. Виноградов констатировал факт отсутствия в норме таких употреблений, но не задавался вопросом о причинах низкой системности вновь обозначенной категории слов.

Думаем, что для «превращения» подобных единиц в слова категории состояния необходимо расширение лексического значения по масштабу охвата событий. Если такое расширение происходит, узуальное наречие превращается в окказиональное слово категории состояния, как, например, в дискурсе М. Цветаевой, где такие образования оказываются незаменимыми для характеристики психического и эмоционального состояния автора: *Мне с ним достойно; Мне от всех брезгливо; ...мне опустошительно с людьми* (М. Цветаева «Записные книжки»).

Как известно, пик интереса к словам категории состояния пришелся на 50-е гг. XX в., когда проходила дискуссия о правомерности вычленения новой части речи и вообще о грамматической сущности слов такого типа. Дискуссия завершилась, однако «новая» часть так и осталась «полупризнанной». С одной стороны, ее упоминают даже в школьных учебниках (например, в учебном комплексе В.В. Бабайцевой и Л.Д. Чесноковой), а с другой стороны – далеко не все авторы грамматических описаний признают категориальную (частеречную) самостоятельность этих слов, и нередко фигурирует (как в грамматиках, так и в лексикографии) наименование «предикативные наречия», которое неправомерно (только на основании морфологической неизменяемости) сближает слова категории состояния с наречиями. Думаем, что всеобщему признанию этой части речи в немалой степени препятствует ограниченный лексический состав слов состояния, поскольку традиционное представление о знаменательной части речи имеет в виду огромные пласты лексических единиц. М.Н. Эпштейн [18; 19] попытался ответить на вопрос о природе такой лексической ограниченности, избирательности этой категории слов: почему пушкинское «*мне грустно и светло*» – узус и норма, но не узус и не норма – «*мне задумчиво и нежно*»? Его вывод состоит в следующем: русская грамматика вообще «разрежена», в ней слабо представлена систем-

ность, правилу нередко противостоят длинные ряды исключений из этого правила, и продуктивный путь развития русской грамматики – это восполнение системности, «ветвление корней», расширение зоны узувального – в том числе и в группе слов состояния.

В свое время еще В.В. Виноградов называл эту категорию динамичной и развивающейся, и сегодняшняя практика словоупотребления, когда многочисленные качественные наречия расширяют свои синтаксические функции и начинают выполнять роль сказуемого безличного предложения, доказывает справедливость этих слов [1]. Интересно то, что роль слов категории состояния начинают выполнять и многочисленные образования от иных групп прилагательных и даже от существительных, однако семантика состояния и функция сказуемого безличного предложения при этом наличествуют, давая возможность и эти единицы отнести к словам категории состояния: «Городское правительство внушает нам мысль, что Петербург – это европейская столица, но в Петербурге никак "не европно" (Т.Москвина «Если мне дадут миллион долларов, я эти деньги брошу в печку» // Медиановости, 12 мая 2008 г.); «Сейчас не вешают, а революционеры не стреляют. Сейчас стало более травоядно» (Собеседник, 2019, № 36). «В комнате был не то чтобы беспорядок, но как-то не так. Ощущение, что вещи поднимали со своих мест, крутили-вертели в руках и клали обратно, а мебель на несколько миллиметров, но передвинули. Неуютно стало, неродно...» (Р. Сенчин «Лед под ногами»); «За десять лет, что я преподаю в Горном, я была на похоронах коллег, дай бог памяти, – кажется одиннадцать, нет, четырнадцать раз. Что-то многолько. Смертненько что-то» (Т. Москвина «Она что-то знала»); «С Татьяной Никитичной очень смешно. Да-да, именно так: не трепетно, не возвышенно, не глубокомысленно. А именно смешно» (Д. Воденников «Зеркало русской жизни. Татьяна Толстая отмечает юбилей» // Литературная газета, 2021, № 18).

В последнем примере хорошо видно, как расширяется узувальное поле категории состояния: *трепетно, возвышенно, глубокомысленно* в обрамлении двух узувальных форм *смешно* пополняют группу приемлемых слов состояния. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в окказиональных формах слов состояния может сосредоточиваться главный, причем – нетривиальный смысл высказывания (*не европно, смертненько, травоядно, неродно*). Важно и показательно, что новая категория прирастает и за счет единиц

субстандарта: ср. лексикографические дефиниции лексем – *глухо* ‘о безрезультативности каких-либо действий; о ситуации отсутствия чего-либо’, *запало* в значении ‘плохо, не стоит, не приятно, не нравится’. Слово *фиолетово* в значении ‘абсолютно безразлично, неинтересно, все равно’ стало даже «модным» [10, с. 293-295]. Слова категории состояния, формирующие безличное высказывание с характеристикой окружающего мира или настроения человека, чрезвычайно важны для языка и лингвокультуры в целом, и безусловно, что магистральный путь развития состоит в расширении поля узуальности за счет новых элиминированных лакун.

2. Элиминирование частнокатегориальных лакун

В парадигмах многих грамматических категорий можно обнаружить системные пропуски. Так, русское причастие в норме не имеет форм будущего времени, в то время как в иных языках (например, в латыни) такие формы имеются. То есть это не только интраязыковая лакуна, знаменующая неполноту парадигмы в системе русской морфологии, но и лакуна межъязыковая, выявляемая при сопоставлении с другими языками. Однако давно обращено внимание [8], что будущее время у причастий окказионально образуется и смысл его (как грамматического значения категории времени) вполне понятен: «*Марина усмехнулась дурацкой мысли, опустила руки, пряча часы под рукавом водолазки. Посмотрела по сторонам. Может, попадетя на глаза нечто новое, интересная мелочь, хоть на десяток минут оторвущая от наблюдения за слишком медленным временем*» (Р. Сенчин «Один плюс один»)

Причастия будущего времени (*скажущий, найдуший, выйдуший, открывший, потеряющий, напишущий*) – потенциальные дериваты от глаголов, у которых нет системных ограничений по морфонологическим признакам. В современных текстах возрастает употребление таких причастий [7, с. 94]. То, что эти употребления не из нормированных источников, что образовательный уровень отправителей высказываний неизвестен, дела не меняет. Напротив, такой массив форм будущего времени у причастий свидетельствует о потенциальных возможностях системы современного русского языка, которые осознаются его носителями вне зависимости от степени языковой и коммуникативной компетенций, а также используются в речевой практике.

Массовые элиминации частнокатегориальных (морфологических) лакун свидетельствуют о наличии «точек роста», указывают на те участки системы,

где возможно расширение границ узуального и нормативного. Такой «точкой роста» в современных условиях становится категория рода у антропонимов, поскольку последнее десятилетие отмечено бурным ростом числа феминитивов (и не менее бурными дискуссиями по поводу их статуса) и изменением их социального статуса [2, 5, 11].

Хорошо известно, что в других славянских языках феминитивы от названий профессий образуются на регулярной основе и имеют нулевую прагматику (чешск.: *akademi*

ka, profesorka, docentka, prezidentka; болг. *авиаторка, авторка, бригадирка, директорка, министърка, музиковедка* и т.п.), а в русском языке многие названия профессий либо остаются без женских коррелятов, либо эти корреляты прагматически отмечены. Прагматическая палитра русских феминитивов богата и разнообразна, однако чаще всего они передают пейоративный спектр – насмешку, иронию, сарказм, прямое осуждение. «*Врачиха*» звучит оскорбительно, «*докторша*» – стилистически снижено, а образование с суффиксом *-к* «*докторка*» до недавнего времени не использовалось вовсе. Причины такой прагматической отмеченности вполне понятны, если учесть историю соответствующих суффиксов и их достаточно яркую прагматику как значимых элементов (у суффиксов *-ш*, *-их* до сих пор отчасти живы значения «жена по мужу», причем с помощью суффикса *-их* именовались жены низкого звания – *дворничиха*; кроме того, суффикс *-их* применяется у зоонимов типа *зайчиха*). Феминитивы-неологизмы практически утрачивают даже ассоциативную соотнесенность с лексемами, обладающими семантикой «жена по мужу»: *риэлтерша* и под.

Некоторые феминитивы в определенные периоды были знаками времени, ср., как в первые годы советской власти на страницах периодики фигурировали бесчисленные *трактористки* и *машинистки*, *втузовки* и *вузовки*, *избачки* и *рыбачки*, *птицеводки* и *овощеводки*. Позже такие наименования утратили (в разной степени) былую популярность. Похоже, что в наше время мода на такие номинации вновь вернулась. Ср. материал о ММКФ (Международном Московском кинофестивале), подготовленный И. Малашенковым, С. Угольниковым и А. Белокуровой (газ. «Завтра», 2021, № 18): «*Спорные достижения последнего ММКФ (повторимся, «спасибо, что живьем») были определены проникновением в программу термина “режиссерки”*».

Если в программе обозначены «режиссерки», авторы считают, что можно использовать и прочие подобные образования: «“Авторка” и модная “кинокритка” Зинаида Пронченко зачем-то назвала это убожество (фильм “Дуров”) мошенничеством. Мошенничество подразумевает наличие хоть какого-то IQ, которого у авторов “Дурова” функционалом не предусмотрено».

Впрочем, сами журналисты относятся к подобным феминитивам иронически: «К феминитивам хочется относиться со снисходительной улыбкой, а поуляризаторов этих словесных новообразований ласково гладить по неразумным тыковкам со словами: “Выпей молочка, дорогуша”. Хочется, но не получается. Прав был кино-Ильич из «Аппассионаты»: “А сегодня гладить по головкам нельзя. Руку откусят”. Вот и довелось дожить до фестивальной программы “Кинорежиссерки нашего времени”. Желание посетить данное мероприятие не было никакого, но уникальный показ фильма японской безумицы Мики Нинагавы вынудил поступиться принципами. “Фотографка” и “клипмейкерка”, “авторка” ярко-китчевых лент на стыке традиционной манки и поп-арта, Нинагава кажется повзрослевшей Юми, героиней фильма “Васаби”» (Завтра, 2021, № 18). «Не хочется демонизировать этот мизогинный феминитив (“режиссерки”), свидетельствующий об эстетическом убожестве и человеческой деградации его распространителей» (там же). В последнем случае обращает на себя внимание атрибут «мизогинный». Получается (с точки зрения автора текста), что такие наименования передают предубеждение по отношению к женщинам, дискриминацию женщин по признаку пола и гендера, их унижение. Впрочем, это давняя проблема: какие формы – немаркированный мужской род (учитель) или маркированный женский (учительница) с феминистских позиций более приемлемы? Мужской род – плохо, потому что рисует андрогенную картину мира, а женский род (выраженный аффиксом) подчеркивает пол, а хорошо ли это? Как известно, из английских словарей последовательно устраняются «сексистские» наименования с прямым указанием на пол. Понятно одно: если слово «режиссерка» появилось в программе фестиваля, это свидетельство известного сдвига в прагматике таких слов, это шаг в сторону узуальности и нормативности. Ср. вполне нейтральное употребление этого слова в другой публикации (автор – известный кинокритик В. Матизен), посвященной ММКФ: «Такой же мини-

мализм свойственен трем камерным эпизодам “Эротического драйва”, в котором выясняют психосексуальные, они же сексуально-психологические, отношения современные японцы, равно как драйвовому в самом буквальном значении слова фильму “Айя” Михаль Брезис и Оded Биннун (программа “Женское кино Израиля”) почти целиком и практически непрерывно снятому в машине с шоферкой (Сара Адлер) и пассажиром (Ульрих Томсен)... Действия фактически нет, герои перебрасываются незначительными репликами, а оторваться невозможно: режиссерка мастерски вызывает и рушит стандартные зрительские ожидания...» (В. Матизен «Экранный кайф и экранный драйв» // Литературная газета, 2021, № 18).

Мера перспективности элиминированных лакун-феминитивов зависит от многих факторов, к которым относятся семантические установки текста, особенности языковой картины мира автора, предпочтения его и возможных реципиентов. Категория лакунарности связана с такими характеристиками системы, как актуальность понятий, их коммуникативная востребованность. Существующие лакуны в системе языка и возможность их элиминирования определяются указанными выше признаками, но возможность закрепления таких единиц в системе языка зависит от лингвистических и этико-лингвистических норм, социокультурной динамики. При изменении социокультурных условий элиминированные лакуны могут повыситься в ранге, приобрести статус узуальных и нормативных. Закономерный процесс элиминации лакун, затрагивающий как общекатегориальную, так и частнокатегориальную сферы, иллюстрирует важный тезис о том, что язык движется в направлении все более полного выявления заложенных в нем системных возможностей. Грамматические формы не есть простое средство языковой техники; они отражают этническое и культурное своеобразие форматов знания о мире, ценностных приоритетов и речеповеденческих установок. Именно незаполненные ячейки грамматической системы позволяют судить о потенциале языка и путях его эволюции. Компенсаторные возможности элиминирования грамматических лакун (делакунизации) в русском языке чрезвычайно велики, они связаны с действием общезыковых, универсальных компенсаторных механизмов языковой системы. Адаптивность как свойство языковой системы в сфере структурирования сложных неоднозначных понятий подтверждается формированием и стабилизацией классов элиминированных лакун.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Акай О.М.* Феномен грамматической лакунарности: когнитивный и лингвопрагматический аспекты // Дис. докт. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2020. 406 с.
2. *Аннушкин В.И.* Каков язык, таково и общество // Газета «Культура». 2021. 25 февраля. С. 10-11.
3. *Бородай С.Ю.* Язык и познание. Введение в пострелятивизм. М., 2020. 800 с.
4. *Быкова Г.В.* Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск: БГПУ, 2003. 364 с.
5. *Ван Яньбин.* Новейшие феминитивы и их отражение в Викисловаре и в языке Интернета // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы III международной научно-практической конференции / Под. ред. В.П. Абрамова и др. Краснодар: КубГУ, 2018. С. 68-70.
6. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
7. *Кирьянов Д.П., Шагал К.А.* Действительное причастие будущего времени совершенного вида в русском языке // ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. Труды института лингвистических исследований. Т. VII. Ч. 3. СПб.: Наука, 2011. С. 92-98.
8. *Лыжова Л.К.* О причастиях будущего времени в русском языке // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова. Тезисы докладов. М.: ИРЯ РАН, 1995. С. 131-132.
9. *Новиков Вл.* Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: Словари XXI века, 2016. 352 с.
10. *Пугачева Е.В.* Феминитивы: неологическая картина (по данным словарей) // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка. (Москва, 20–23 марта 2019 г.). Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2019. С. 88-89.

11. *Радбиль Т.Б.* Национальная специфика грамматики русского языка: когнитивный и лингвокультурологический аспекты // Русская грамматика: сборник тезисов Международного научного симпозиума (Москва, 13–15 апреля 2016 г.). М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2016. С. 96-99.
12. *Савицкая Е.В.* Английские языковые лакуны в свете интраязыкового подхода // Автореф. дис. канд. филол. наук. Самара, 2015. 23 с.
13. *Савицкий В.М.* Онтология языковых лакун // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2013. № 2. С. 1-18.
14. *Сорокин Ю.А.* Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М.: Наука, 1982. С. 22-28.
15. *Сорокин Ю.А.* Лакуны и процесс моделирования образа этнической культуры и психологии // Материалы X всероссийского симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Изд-во РАН. Институт языкознания, 1994. С. 144-156.
16. *Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 63-85.
17. *Эпштейн М.Н.* О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество // Знамя. 2007. № 3. С. 193-207.
18. *Эпштейн М.Н.* От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.

R E F E R E N C E S

1. *Akay O.M.* The phenomenon of grammatical lacunarity: cognitive and linguopragmatic aspects. // Thesis. Rostov-on-Don, 2020. 406 p.
2. *Annushkin V.I.* The language is as the society is // Newspaper “Culture” from February, 25, 2021. Pp. 10-11.
3. *Boroday S.Yu.* Language and cognition. Introduction to Postrelativism. Moscow, 2020. 800 p.

4. *Bykova G.V.* Lacunarity as a category of lexical systemology. Blagoveshchensk: BSPU, 2003. 364 p.
5. *Van Yanbin.* The latest feminitives and their reflection in Wiktionary and in the Internet language // Actual issues of modern Philology: theory, practice, development prospects: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference / Ed.: V.P. Abramova et al. Krasnodar: KubSU, 2018. Pp. 68–70.
6. *Vinogradov V.V.* The Russian language. Grammatical teaching about the word. Moscow: Higher School, 1972. 614 p.
7. *Kiryarov D.P., Shagall K.A.* Participle 2 active of the Future Tense in the Russian language // ACTA LINGUISTICA METROPOLITANA. Proceedings of the Institute of Linguistic Research. Vol. VII. P. 3. St. Petersburg: Science, 2011. Pp. 92–98.
8. *Lyzhova L.K.* About Future Tense participles in the Russian language // International anniversary session dedicated to the 100th anniversary of the birth of Academician V.V. Vinogradov. Abstracts of reports. Moscow, 1995. Pp. 131–132.
9. *Novikov V.I.* The dictionary of buzzwords. The linguistic picture of modernity. Moscow: Dictionaries of the XXI century. 2016. 352 p.
10. *Pugacheva E.V.* Feminitives: a neological picture (according to dictionaries) The Russian language: historical destinies and modernity: VI International Congress of the Russian Language Researchers. (Moscow, March 20–23, 2019). Proceedings and materials. M.: MSU Publishing House, 2019. Pp. 88–89.
11. *Radbil T.B.* National specifics of the grammar of the Russian language: cognitive and linguoculturological aspects // Russian Grammar: collection of abstracts of the International Scientific Symposium (Moscow, April 13–15, 2016). M., 2016. Pp. 96–99.
12. *Savitskaya E.V.* English language lacunae in the light of the intralingual approach // Abstract of unpublished master degree thesis. PhD in Philology. Samara, 2015. 23 p.
13. *Savitsky V.M.* Ontology of language lacunae // Scientific journal Bulletin of Moscow Region State University. 2013. No. 2. Pp. 1–18.

14. *Sorokin Yu.A.* Lacunae as signals of linguocultural community specificity // National-cultural specificity of speech communication of the peoples of the USSR. Moscow: Science, 1982. Pp. 22–28.
15. *Sorokin Yu.A.* Lacunae and the process of modeling the image of ethnic culture and psychology // Proceedings of the X All-Russian Symposium on psycholinguistics and theory of communication. M. RAS. Institute of Linguistics, 1994. Pp. 144–156.
16. *Shcherba L.V.* About parts of speech in the Russian language // Selected works on the Russian language. Moscow, 1957. Pp. 63–85.
17. *Epshtein M.N.* On the creative potential of the Russian language. Transitivity grammar of and transitive society // *Znamya*. 2007. No. 3. Pp. 193–207.
18. *Epshtein M.N.* From knowledge to creativity. How Humanities can change the world. M.; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2016. 480 p.

---

23 мая 2021 г.